

**ELENA
ZELENSKAYA**
SHOSTAKOVICH
Vocal Cycles

Evgenia Cheglakova, piano
Alexander Kalashkov, violin
Dmitri Miller, cello

ELENA
ZELENSKAYA
SHOSTAKOVICH
Vocal Cycles

Дмитрий Шостакович (1906–1975)

Семь стихотворений Александра Блока, соч. 127 (1967)

1.	I. Песня Офелии	2.44
2.	II. Гамаюн, птица вещая	3.37
3.	III. Мы были вместе	3.01
4.	IV. Город спит.	2.57
5.	V. Буря	2.11
6.	VI. Тайные знаки.	4.33
7.	VII. Музыка	4.52

«Сатиры» (Картинки прошлого) на слова Саши Чёрного, соч. 109 (1960)

8.	I. Критику	1.18
9.	II. Пробуждение весны	2.49
10.	III. Потомки.	3.27
11.	IV. Недоразумение.	4.47
12.	V. Крейцера соната	4.23

Четыре песни на слова Евгения Долматовского, соч. 86 (1951)

13.	I. Родина слышит	2.25
14.	II. Выручи меня	2.19
15.	III. Любит – не любит	2.08
16.	IV. Колыбельная	3.11

Общее время: 51.33

Елена Зеленская, *сопрано*

Евгения Чеглакова, *фортепиано* (2, 4, 5, 7–16)

Александр Калашков, *скрипка* (3, 5–7)

Дмитрий Миллер, *виолончель* (1, 4, 6, 7)

Dmitri Shostakovich (1906–1975)

Seven Romances on Poems by Alexander Blok, Op. 127 (1967)

1.	I. Song of Ophelia	2.44
2.	II. Gamayun, the Bird of Prophecy.	3.37
3.	III. We Were Together.	3.01
4.	IV. Gloom Enwraps the Sleeping City	2.57
5.	V. The Storm.	2.11
6.	VI. Secret Signs	4.33
7.	VII. Music	4.52

Satires (Pictures of the Past), Five Romances on Verses by Sasha Chorny, Op. 109 (1960)

8.	I. To a Critic	1.18
9.	II. Spring's Awakening	2.49
10.	III. The Descendants	3.27
11.	IV. Misunderstanding.	4.47
12.	V. Kreutzer Sonata	4.23

Four Songs to Words by Evgeny Dolmatovsky, Op. 86 (1951)

13.	I. The Motherland Hears	2.25
14.	II. Rescue Me	2.19
15.	III. Loves Me, Loves Me Not	2.08
16.	IV. Lullaby	3.11

Total time: 51.33

Elena Zelenskaya, *soprano*

Evgenia Cheglakova, *piano* (2, 4, 5, 7–16)

Alexander Kalashkov, *violin* (3, 5–7)

Dmitri Miller, *cello* (1, 4, 6, 7)

К жанру камерной вокальной лирики Дмитрий Шостакович обращался на всем протяжении жизненного пути – от первых, консерваторских творческих опусов до последнего года жизни. Предлагаемый диск посвящен вокальным циклам, которые возникли во второй половине XX века и отразили различные грани творческой эволюции композитора.

С начала 1950-х гг. Шостакович активно работал в жанре романса и песни. Обращаясь к поэзии Пушкина и Лермонтова, испанским и греческим народным песням, он сочинил и два вокальных цикла на стихи своего современника Евгения Долматовского – популярного автора лирических и гражданских стихов, песни которого часто звучали в кинофильмах 1930–50-х гг. (в сотрудничестве с ним Шостакович в эти же годы написал ораторию «*Песнь о лесах*» и кантату «*Над Родиной нашей солнце сияет*»). «*Четыре песни*» (1951 г.) написаны простым, безыскусным музыкальным языком. Опус открывает популярнейшая песня «*Родина слышит, Родина знает*» (существует ее авторский вариант для солиста и хора a capella), которая десять лет спустя стала ассоциироваться с полетом в космос Ю. Гагарина.

В период советской «оттепели» Шостакович написал ряд сочинений, в которых вновь (после начала 1930-х гг.) отдал должное «музе пламенной сатиры». «Мне не чужды и веселые переживания», – это высказывание композитора относится к «*Сатирам на стихи Саши Чёрного*» (1960 г.). В руки Шостаковича попал только что изданный сборник стихотворений поэта (настоящее имя Александр Михайлович Гликберг), эмигрировавшего после революции и потому надолго преданного забвению при советской власти. Слово оглядываясь на свое творчество первых десятилетий, Шостакович вновь пародирует популярные жанры музыкального быта начала XX века (фокстрот, вальс-бостон, галоп, марш), показывает в кривом зеркале классические «шлягеры» (романс «*Весенние воды*» Рахманинова, арию Ленского, «*Крейцерову сонату*» Бетховена). В то же время центральная песня («*Потомки*») под маской шарманочного вальса содержит намек, слишком прозрачно указывающий на отношение Шостаковича к советской действительности (усыпляющий бдительность цензуры подзаголовков «*Картинки прошлого*» не стоит воспринимать буквально). Цикл негласно посвящен его первой исполнительнице, горячей пропагандистке творчества Шостаковича Галине Вишневской.

«*Семь стихотворений Александра Блока*», завершённые в 1967 г., – один из вокальных циклов последнего десятилетия творчества Шостаковича. В отличие от «*Шести стихотворений Марины Цветаевой*» (1973) и «*Сюиты на стихи Микеланджело*» (1974) «*Семь стихотворений*» написаны для необычного состава – голоса, фортепиано, скрипки и виолончели. Возможно, на композитора повлиял блоковский цикл его ученика – «*Петербургские песни*» Г. Свиридова (1961–63), в последней части которого к аккомпанирующему фортепиано также присоединяются скрипка и виолончель. Однако в цикле Шостаковича состав исполнителей в каждом стихотворении меняется («*Песня Офелии*» написана для голоса и виолончели, «*Гамаюн, птица вещая*» – с аккомпанементом фортепиано, «*Мы были вместе*» – скрипки, «*Город спит*» и «*Буря*» – виолончели и фортепиано, «*Тайные знаки*» – скрипки и виолончели, «*Музыка*» – голоса и инструментального трио). Драматургический стержень блоковского цикла образует контрастная пара стихотворений: «*Город спит*» в форме пассакалии, написанная в приглушенных тонах, и исполненный драматической страстности монолог «*Буря*». Название этого безымянного стихотворения Блока, связанное с пьесой Шекспира, как и двух последних стихотворений, принадлежит самому Шостаковичу. Цикл заканчивается проникновенным и светлым эпилогом – «безоглядным, безотчетным гимном любви и природе» (Р. Петрушанская), принадлежащим перу 18-летнего певца «*Соловьиного сада*»...

«Елена Зеленская – мое любимое сопрано», – говорил П. Доминго, отвечая на вопрос о русских певицах в начале 2000-х гг. Народная артистка России, доцент кафедры сольного пения Российской академии музыки имени Гнесиных, она уже два десятилетия поет ведущие партии на сцене Большого театра России.

Выпускница Бакинской консерватории имени У. Гаджибекова, **Елена Зеленская** начинала творческий путь солисткой Академического театра оперы и балета Азербайджанской ССР. В 1991 г. она была удостоена II премии Всесоюзного конкурса вокалистов имени М. Глинки, и легендарный дирижер Евгений Колобов пригласил певицу в созданный им театр «*Новая Опера*». В 1994 г. Елена Зеленская стала обладательницей Гран-при Международного конкурса вокалистов имени Н. Римского-Корсакова; в том же году состоялся ее дебют в Большом театре (партия Флории Тоски).

В драматических ролях зарубежного оперного репертуара (Тоска, Турандот, Аида, Амелия в *«Бале-маскараде»*, Абигайль в *«Набукко»*, Сента в *«Летучем голландце»*) Елена Зеленская завоевала прочный успех не только в России, но и на ведущих оперных подмостках мира; так, в Метрополитен-опера певицу приглашали на роли Амелии и Леоноры (*«Сила судьбы»*), на сцену венецианского театра Ля Фениче – для исполнения труднейшей партии Одабеллы (*«Атилла»*), в театр Лисео в Барселоне – на роль Мими (*«Богема»*), в Венскую камерную оперу – на моцартовские партии Донны Эльвиры (*«Дон Жуан»*) и Графини (*«Свадьба Фигаро»*). Одной из вершин исполнительской деятельности Елены Зеленской стала заглавная партия в опере Верди *«Макбет»*, которую она исполняла в России, Европе, Израиле и США.

В репертуаре артистки видное место занимают и партии русских оперных героинь: Татьяны (*«Евгений Онегин»*), Купавы (*«Снегурочка»*), Ярославны (*«Князь Игорь»*), Наташи (*«Русалка»*), Ренаты (*«Огненный ангел»*).

В последние годы Елена Зеленская отдает предпочтение камерной вокальной музыке, уделяя особое внимание сочинениям композиторов XX века. В 2011 г. на сцене парижской Опера Гарнье состоялся ее сольный концерт из произведений Д. Шостаковича; концерты с камерными программами певица представляла на сценах Большого зала Московской консерватории и Бетховенского зала Большого театра.

В записи участвуют коллеги Елены Зеленской – солисты и артисты Большого театра России. Заслуженная артистка России, пианистка **Евгения Чеглакова** закончила Государственный музыкально-педагогический институт имени Гнесиных (класс профессора А. Йохелеса), в стенах которого начала работать концертмейстером. В 1974–1977 гг. Е. Чеглакова была концертмейстером Академического музыкального театра имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, а с 1977 г. по настоящее время работает концертмейстером оперной труппы Большого театра, где выступала со многими выдающимися дирижерами и вокалистами. Е. Чеглакова регулярно участвовала в концертах инструментальных ансамблей Большого театра: в составе Ансамбля скрипачей, Ансамбля виолончелистов, Секстета и Камерного оркестра ГАБТ. Пианистка записывалась на грампластинках и компакт-дисках с виолончелистом Дмитрием Миллером, солистами оперной труппы и солистами оркестра Большого театра.

Более 35 лет в стенах Большого театра работает скрипач, заслуженный артист России **Александр Калашков** (в настоящее время – концертмейстер группы первых скрипок оркестра театра). В 1980 г. он окончил Московскую государственную консерваторию имени П.И. Чайковского (класс профессора Д. Цыганова). За время работы артисту посчастливилось принимать участие во многих оперных и балетных постановках театра, работать с выдающимися дирижерами (Е. Светлановым, Г. Рождественским, А. Лазаревым, Ю. Симоновым, Т. Курентзисом, В. Синайским). В 2003–2008 гг. с прославленными музыкантами и солистами лучших оркестров Европы и Северной Америки А. Калашков принимал участие в Летней оркестровой тихоокеанской академии (SOAP) в Канаде как солист, преподаватель струнного факультета и главный концертмейстер. Александр Калашков является солистом-концертмейстером Камерного оркестра Большого театра, выступает как солист и камерный исполнитель.

Совсем недавно прервалась жизнь еще одного участника этой записи – замечательного виолончелиста **Дмитрия Миллера** (1942–2016). Выпускник Государственного музыкально-педагогического института имени Гнесиных (класс А. Власова), лауреат Всероссийского конкурса виолончелистов (1965), он впоследствии стал известным педагогом; в 1990–2015 гг. преподавал в Московской консерватории (в 2001 г. был удостоен звания профессора). Заслуженный артист РСФСР, Дмитрий Миллер около тридцати лет был солистом-концертмейстером группы виолончелей оркестра Большого театра, в который поступил еще будучи студентом. В течение своей жизни виолончелист совмещал работу в оркестре с обширной камерно-ансамблевой и сольной концертной деятельностью, был первым исполнителем сочинений современных композиторов (В. Тараканова, М. Гагнидзе, А. Лемана, И. Жванецкой, И. Рехина); записывал компакт-диски с участием В. Попова, А. Бахчиева, Е. Чеглаковой, Государственной академической симфонической капеллы России под управлением В. Полянского.

Борис Мукосей

**ELENA
ZELENSKAYA**
SHOSTAKOVICH
Vocal Cycles

Елена Зеленская и Пласидо Доминго в театре Метрополитен-опера, Нью-Йорк (2006 г.)
Elena Zelenskaya and Plácido Domingo at the Metropolitan Opera House, New York City (2006)

Евгения Чеглакова
Evgenia Cheglakova

ELENA ZELENSKAYA SHOSTAKOVICH Vocal Cycles

Dmitri Shostakovich wrote chamber vocal pieces throughout his lifetime – from the first, conservatory opuses to the last year of his life. This album is dedicated to the vocal cycles that emerged in the first half of the twentieth century and captured different sides of the composer’s artistic evolution.

Shostakovich was active in the genre of romance and song from the early 1950s. Turning to the poetry of Pushkin and Lermontov, Spanish and Greek folk songs, he also composed two vocal cycles set to the verses of his contemporary Evgeny Dolmatovsky, a popular author of lyric and civil poems whose songs were often used in the films of the 1930s to 1950s (in those years, Shostakovich and Dolmatovsky also jointly wrote the oratorio *Song of the Forests* and cantata *The Sun Shines over Our Motherland*). The *Four Songs* of 1951 were written in a simple, artless musical language. The opus begins with the very popular song *The Motherland Hears, the Motherland Knows* (there is also a composer’s version for soloist and a cappella choir), which ten years later was largely associated with Yuri Gagarin’s spaceflight.

In the years of the Soviet Thaw, Shostakovich wrote a number of works that again, after the early 1930s, paid tribute to “the muse of flaming satire.” “I am not a stranger to funny experience,” as the composer referred to his *Satires* (1960) based on the verses by Alexander Mikhailovich Glikberg, better known as Sasha Chorny, who emigrated after the revolution and therefore was consigned to oblivion by the Soviet power for a long time. The composer had read a newly published collection of the poet’s works. As though he was looking back at his works, Shostakovich again parodied popular genres of the early twentieth century – foxtrot, boston, gallop and march, – and showed distorting mirror images of classical hits – Rachmaninoff’s *Spring Waters*, Lensky’s aria and Beethoven’s *Kreutzer Sonata*. At the same time, the central song (*Descendants*) under the guise of a barrel organ waltz was an obvious hint at the Soviet reality (the subtitle “*Pictures of the Past*” that lulled the censors into a false sense of security should not be taken literally). The cycle was covertly dedicated to Galina Vishnevskaya, its first performer and an ardent advocate of Shostakovich’s music.

The *Seven Songs on Poems by Alexander Blok* completed in 1967 was one of the vocal cycles of Shostakovich’s last decade. Unlike the *Six Poems of Marina Tsvetayeva* (1973) and the *Suite on Verses by Michelangelo* (1974), the *Seven Songs* were written

for an unusual lineup – voice, piano, violin and cello. The composer was probably influenced by the Blok cycle written by his student Georgy Sviridov – *St. Petersburg Songs* (1961–1963) where the accompanying piano in the last part was joined by the violin and cello. However, the lineup is different in each of the poems of Shostakovich’s cycle. So, *Song of Ophelia* was written for voice and cello, *Gamayun, the Bird of Prophecy* has an accompanying piano, *We Were Together* is for violin, *The Sleeping City* and *The Tempest* are for cello and piano, *Secret Signs* is for violin and cello, and *Music* is for voice and instrumental trio. A contrasting pair of poems makes a dramatic pivot of the Blok cycle – *The Sleeping City* was written in the form of passacaglia in a subdued tone, and the monologue of *The Tempest* is filled with dramatic passion. The latter of Blok’s poems is associated with Shakespeare’s play, and the two last ones were not titled by the poet, so Shostakovich had to come up with names for them. The cycle ends in a heartfelt and inspiring epilogue – “a reckless, unconscious hymn of love and nature,” as musicologist Rimma Petrushanskaya said, that was penned by then 18-years-old Blok, the singer of *Nightingale Garden*.

“Elena Zelenskaya is my favourite soprano,” said Plácido Domingo in the early 2000s answering the question about Russian female singers. A People’s Artist of Russia and associate professor of the Department of Solo Singing at the Russian Gnessins Academy of Music, she has been a leading Bolshoi singer for two decades.

Elena Zelenskaya graduated from the Baku Hajibeyov Conservatory and began his career as a soloist of the Academic Theatre of Opera and Ballet of the Azerbaijan SSR. In 1991, she was awarded the second prize of the All-Union Glinka Vocal Competition, and the legendary conductor Evgeny Kolobov invited her to join his *Novaya Opera* Theatre. In 1994, Zelenskaya received the Grand Prix of the International Rimsky-Korsakov Vocal Competition and debuted at the Bolshoi Theatre as Floria Tosca.

Performing dramatic parts of foreign opera repertoire (as Tosca, Turandot, Aida, Amelia in *Un ballo in maschera*, Abigail in *Nabucco* and Senta in *Der fliegende Holländer*), Elena Zelenskaya has been a big successful in Russia and on the leading opera stages of the world. So, the singer was invited to sing the parts of Amelia and Leonora (*La forza del destino*) at the Metropolitan Opera, the very difficult part of Odabella in *Attilo* at the Teatro La Fenice in Venice, Mimi in *La*

**ELENA
ZELENSKAYA**
SHOSTAKOVICH
Vocal Cycles

bohème at the Liceu in Barcelona, Donna Elvira in *Don Giovanni* and the Countess in *Le nozze di Figaro* by Mozart at the Kammeroper in Vienna. The title part in Verdi's *Macbeth* performed in Russia, Europe, Israel and the United States is one of Zelenskaya's performing summits.

The parts of Russian operatic heroines also rank high among the singer's repertoire – Tatiana in *Eugene Onegin*, Kupava in *The Snow Maiden*, Yaroslavna in *Prince Igor*, Natasha in *Rusalka* and Renata in *The Fiery Angel*.

Over the last years, Elena Zelenskaya showed preference to chamber vocal music devoting much attention to works by 20th century composers. In 2011, she performed a recital consisting of Shostakovich's pieces on the stage of the Opéra Garnier in Paris. The singer also presented her chamber programmes at the Grand Hall of the Moscow Conservatory and the Beethoven Hall of the Bolshoi Theatre.

The recordings feature Zelenskaya's colleagues – soloists and artists of the Bolshoi Theatre of Russia. An Honoured Artist of Russia, pianist **Evgenia Cheglakova** graduated from the Gnessins State Institute of Music Teachers where she studied with Professor Alexander Iokheles and began to work as a concertmaster. Between 1974 and 1977, she was a concertmaster at the Stanislavsky and Nemirovich-Danchenko Academic Music Theatre, and from 1977 she has been a concertmaster for the opera company of the Bolshoi Theatre performing with many of the outstanding conductors and vocalists. Cheglakova has been a regular member of the theatre's chamber lineups – the Ensemble of Violinists, the Ensemble of Cellists, the Sextet and the Chamber Orchestra of the Bolshoi Theatre. The pianist was featured on LPs and CDs recorded by cellist Dmitri Miller and soloists of the Bolshoi's opera company and orchestra.

An Honoured Artist of Russia, violinist **Alexander Kalashkov** (now a concertmaster of the group of first violins) has been with the Bolshoi for over 35 years. In 1980, he graduated from the Moscow Tchaikovsky Conservatory when he studied with Professor Dmitri Tsyganov. The musician has taken part in many of the theatre's opera and ballet productions working with outstanding conductors such as Evgeny Svetlanov, Gennady Rozhdestvensky, Alexander Lazarev, Yuri Simonov, Teodor Currentzis and Vasily Sinaisky. Between 2003 and 2008, along with the celebrated musicians and soloists of the best orchestras of Europe and North America, Kalashkov was involved with the activities of the Symphony Orchestra Academy of the Pacific in Canada as a soloists, violin tutor and chief concertmaster. Alexan-

der Kalashkov is a soloist- concertmaster of the Bolshoi's Chamber Orchestra and performs as a soloist and chamber musician.

The cellist **Dmitri Miller**, another participant of this recording, passed ways quite recently (1942–2016). He was a graduate of the Gnessins State Institute of Music Teachers where he studied with Alexander Vlasov and a prize-winner of the 1965 All-Russian Cello Competition and later became a well-known teacher. He taught at the Moscow Conservatory between 1990 and 2015 becoming its professor in 2001. An Honoured Artist of Russia, Dmitri Miller was a soloist-concertmaster of the Bolshoi Theatre's cello group for about thirty years where he began to work when he was a student. Throughout his lifetime, the cellist combined his work in the orchestra with extensive chamber and solo performing activities and was the first performer of the works by contemporary composers Valery Tarakanov, Merab Gagnidze, Albert Leman, Inna Zhvanetskaya and Igor Rekhin, recorded with Viktor Popov, Alexander Bakhchiyev, Evgenia Cheglakova and the State Academic Symphony Choir of Russia led by Valery Polyansky.

Boris Mukosey

**ELENA
ZELENSKAYA**
SHOSTAKOVICH
Vocal Cycles

АЛЕКСАНДР БЛОК

1 ПЕСНЯ ОФЕЛИИ

Разлучаясь с дево́й мило́й,
Друг, ты клялся мне любить!
Уезжая в край постылый,
Клятву данную хранить!..

Там, за Данией счастливо́й,
Берега твои во мгле...
Вал сердитый, говорливый
Моет слезы на скале...

Милый воин не вернется,
Весь одетый в серебро...
В гробе тяжко всколыхнется
Бант и черное перо...

8 февраля 1899 г.

2 ГАМАЮН, ПТИЦА ВЕЩАЯ

На глядах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных.
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

23 февраля 1899 г. (Картина В. Васнецова)

ALEXANDER BLOK

SONG OF OPHELIA

Parting with the sweet maiden,
Friend, you swore to love me!
Leaving for the hateful land,
You promised to keep the oath inviolate!..

There, outside happy Denmark,
Your shores are in haze...
An angry, garrulous billow
Washes tears on the rock...

The sweet warrior will not return,
All clad in silver...
The bow and the black feather
Will stir heavily in the coffin...

February 8th, 1899

GAMAYUN, THE BIRD OF PROPHECY

On the surfaces of boundless waters,
Clothed in purple by the sunset,
She sings and prophecies,
Unable to raise her perturbed wings.
She prophesies the yoke of wicked Tatars,
She prophesies a row of bloody executions,
And a quake, and a famine, and a fire,
The force of villains, the death of the righteous...
Struck with eternal horror,
Her beautiful face burns with love,
But blood-clotted lips
Profess the prophetic truth.

February 23rd, 1899 (V. Vasnetsov's painting)

3 ***

Мы были вместе, помню я...
Ночь волновалась, скрипка пела...
Ты в эти дни была – моя,
Ты с каждым часом хорошела...
Сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайну женственной улыбки
К устам просился поцелуй,
Просились в сердце звуки скрипки...

9 марта 1899 г.

4 ***

Город спит, окутан мглою,
Чуть мерцают фонари...
Там, далёко за Невую,
Вижу отблески зари.

В этом дальнем отраженьи,
В этих отблесках огня
Притаилось пробужденье
Дней тоскливых для меня...

23 августа 1899 г.

***

We were together, I remember...
The night was agitated, the violin was singing...
Those were the days when you were – mine,
Growing prettier every hour...
Through the quite murmur of streams,
Through the secret of a womanly smile
The kiss was longing for the lips,
The sounds of violin were longing for the heart...

March 9th, 1899

***

The city is asleep, cloaked in mist,
The street lamps are barely shimmering...
There, far beyond the Neva,
I see the blinks of daybreak.

In that distant reflection,
In those blinks of fire
Hides the awakening
Of dreary days for me.

August 23rd, 1899

ELENA
ZELENSKAYA
SHOSTAKOVICH
Vocal Cycles

5 ***

Вы, бедные, нагие несчастливы.
Lip

О, как безумно за окном
Ревет, бушует буря злая,
Несутся тучи, льют дождем,
И ветер воет, замирая!
Ужасна ночь! В такую ночь
Мне жаль людей, лишенных крова,
И сожаленье гонит прочь –
В объятья холода сырого!..
Бороться с мраком и дождем,
Страдальцев участь разделяя...
О, как безумно за окном
Бушует ветер, изнывая!

24 августа 1899 г.

***

Poor naked wretches
King lear

Oh, that madness behind the window pane
The evil storm roars, rages,
The dark clouds rush past, pouring rain,
The wind howls, dying down!
The night is horrible! On a night like this
I pity those who have no shelter,
And pity turns me out –
Into the embrace of damp coldness!..
To fight against the gloom and rain,
Sharing the fate of those who suffer...
Oh, that madness behind the window pane
The pining wind is raging!

August 24th, 1899

6 ***

Разгораются тайные знаки
На глухой, непробудной стене
Золотые и красные маки
Надо мной тяготееют во сне

Укрываюсь в ночные пещеры
И не помню суровых чудес.
На заре – голубые химеры
Смотрят в зеркале ярких небес.

Убегаю в прошедшие миги,
Закрываю от страха глаза,
На листах холодеющей книги –
Золотая девичья коса.

Надо мной небосвод уже низок,
Черный сон тяготееет в груди.
Мой конец предначертанный близок,
И война, и пожар – впереди.

Октябрь 1902 г.

***

The secret signs are flaming up
On a blind, eternally sleeping wall
Poppies of gold and red
Hang over me when I sleep

I take shelter in night caves
And I don't remember stern wonders.
At daybreak – blue chimeras
Look in the mirror of bright skies.

I run back to the past moments,
I close my eyes with fear,
On the sheets of the book growing cold –
There's a maid's golden braid.

The firmament is now low over me,
The black dream weighs in the chest.
My destined end is near,
And the war, and the fire is ahead.

October 1902

7 ***

В ночи, когда уснет тревога.
И город скроется во мгле –
О, сколько музыки у бога,
Какие звуки на земле!

Что буря жизни, если розы
Твои цветут мне и горят!
Что человеческие слезы,
Когда румянятся закат!

Прими, Владычица вселенной,
Сквозь кровь, сквозь муки, сквозь гроба –
Последней страсти кубок пенный
От недостойного раба!

Сентябрь 1898 г.

САША ЧЁРНЫЙ

8 КРИТИКУ

Когда поэт, описывая даму,
Начнет: «Я шла по улице. В бока впился корсет» –
Здесь «я» не понимай, конечно, прямо –
Что, мол, под дамою скрывается поэт.
Я истину тебе по-дружески открою:
Поэт – мужчина. Даже с бородою.

1909 г.

***

At night, when anxiety falls asleep.
And the city lies hidden in gloom. –
Oh, how much music God has,
What sounds the earth keeps!

Who cares of the life storm when your
roses
Bloom for me and burn!
Who cares about human tears,
When dawn rouges.

Accept, the Queen of the universe,
Through blood, through torments, through
coffins –
A foamy goblet of the last passion
From the unworthy slave!

September 1898

SASHA CHORNY

TO A CRITIC

When a poet, describing a lady,
Begins: “I was walking down the street.
The corset dug into my sides” –
Don’t take “I” straightforwardly, indeed –
Don’t guess the poet was the lady.
I will tell you the truth in a friendly way:
The poet is a man. And even has a beard.

1909

9 ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕСНЫ

Вчера мой кот взглянул на календарь
И хвост трубою поднял моментально,
Потом подрал на лестницу как встарь,
И завопил тепло и вакханально:
«Весенний брак, гражданский брак,
Спешите, кошки, на чердак!»

И кактус мой – о, чудо из чудес!
Залить чайем и кофейной гущей,
Как новый Лазарь, взял да и воскрес
И с каждым днем прет из земли все пуце.
Зеленый шум... Я поражен,
«Как много дум наводит он!»
Уже с панелей слипшуюся грязь,
Ругаясь, скалывают дворники лихие,
Уже ко мне зашел сегодня «князь»,
Взял теплый шарф и лыжи беговые...

«Весна, весна! – пою, как бард,
Несите зимний хлам в ломбард».
Сияет солнышко. Ей-богу, ничего!
Весенняя лазурь спугнула дым и копоть.
Мороз уже не щиплет никого,
Но многим нечего, как и зимою, лопать...
Деревья ждут... Гниет вода,
И пьяных больше, чем всегда.
Создатель мой! Спасибо за весну!
Я думал, что она не возвратится,

Но... дай сбегать в лесную тишину
От злобы дня, холеры и столицы!
Весенний ветер за дверьми...
В кого б влюбиться, черт возьми!

1909 г.

SPRING'S AWAKENING

Yesterday my tomcat looked at the calendar
And instantly had his tail in air,
Then took flight upstairs as in the day of old,
I began to yell so warmly and bacchanally:
“Spring marriage, civil marriage
Hurry up, cats, to the attic!”

And my cactus – oh, miracle of miracles!
Poured with tea and coffee grounds,
Like a new Lazarus, went and rose from the dead
And makes its way from the soil every single day.
Green noise... I'm struck,
“How many a tale their music tells!”
Swearing, dashing street cleaners already
Chop off clotted gummed dirt on the sidewalks,
The “prince” dropped in today,
Took a warm scarf and racing skis...

“Spring, spring!” – I sing like a bard,
“Bring you winter junk to my pawn shop!”
The sun is shining. Honest to God, not bad!
The spring azure scared smoke and soot off.
Frost no longer bites anyone.
But many still have nothing to gobble as it was in
winter...
The trees are waiting... The water rots,
There's more drunken ones than always.
My creator! Thank you for spring!
I thought it would never return,

But... let me escape to the silence of woods
Away from the current concern, cholera and
capital!
Spring wind behind the doors...
O damn, is there anyone to fall in love with?

1909

10 ПОТОМКИ

Наши предки лезли в клетки
И шептались там не раз:
«Туго, братцы... Видно, дети
Будут жить вольготней нас».

Дети выросли. И эти
Лезли в клетки в грозный час
И вздыхали: «Наши дети
Встретят солнце после нас».

Нынче так же, как вовеки,
Утешение одно:
Наши дети будут в Мекке,
Если нам не суждено.

Даже сроки предсказали:
Кто — лет двести, кто — пятьсот,
А пока лежи в печали
И мычи, как идиот.

Разукрашенные дули,
Мир умыт, причесан, мил...
Лет чрез двести? Черта в стуле!
Разве я Мафусаил?
Я, как филин, на обломках
Переломанных богов.
В неродившихся потомках
Нет мне братьев и врагов.

Я хочу немножко света
Для себя, пока я жив,
От портного до поэта —
Всем понятен мой призыв...

А потомки... Пусть потомки,
Исполняя жребий свой
И кляня свои потемки,
Лупят в стенку головой!

1908 г.

THE DESCENDANTS

Our ancestors would get into cages
And whispered there time after time:
“We have a bad time, fellows... It looks like
Our children will live a freer life.”

The children have grown. And these ones
Would get into cages in the hour of terror
And sigh: “Our children
Will meet the sun after us”

Nowadays as it ever was
There’s only one consolation:
Our children will live in Mecca,
If we aren’t destined to.

They predicted when it would be:
Some said – two hundred years, some – five hundred,
In the meantime lie in sadness
And mumble like an idiot.

Ornate figs,
The world is washed, combed, sweet...
In a two hundred years? Hell no!
Am I Methuselah?
Like an eagle-owl, I am on the wreckage
Of broken gods.
In unborn descendants
I have no brothers and foes.

I want a little light
For myself, while I’m alive,
From the tailor to the poet –
My call is clear to anyone...

And the descendants... Let the descendants,
Executing their lot
And cursing their darkness,
Beat their heads against the wall!

1908

11 НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Она была поэтесса,
Поэтесса бальзаковских лет.
А он был просто повеса,
Курчавый и пылкий брюнет.
Повеса пришел к поэтессе.
В полумраке дышали духи,
На софе, как в торжественной мессе,
Поэтесса гнула стихи:
«О, сумей огнедышащей лаской
Всколыхнуть мою сонную страсть.
К пене бедер, за алой подвязкой
Ты не бойся устами припасть!
Я свежа, как дыхание левкоя,
О, сплетем же истомности тел!..»
Продолжение было такое,
Что курчавый брюнет покраснел.
Покраснел, но оправился быстро
И подумал: была не была!
Здесь не думские речи министра,
Не слова здесь нужны, а дела...
С несдержанной силой кентавра
Поэтессу повеса привлек,
Но визгливо-вульгарное: «Мавра!!»
Охладило кипучий поток.
«Простите... — вскочил он, — вы сами...»
Но в глазах ее холод и честь:
«Вы смели к порядочной даме,
Как дворник, с объятьями лезть?!»
Вот чинная Мавра. И задом
Уходит испуганный гость...
В передней испуганным взглядом
Он долго искал свою трость...
С лицом блее магнезии
Шел с лестницы пылкий брюнет:
Не понял он новой поэзии
Поэтессы бальзаковских лет.

1909 г.

MISUNDERSTANDING

She was a poetess,
A poetess on the wrong side of thirty.
And he was just a rake,
A curly-haired and ardent brunet.
The rake came to the poetess.
Perfume was breathing in semidarkness,
On a sofa, like in a solemn mass,
The poetess snuffled her verses:
“Oh, be able to stir up my sleepy passion
With your fire-spouting caress.
Against the foam of my thighs,
behind a scarlet garter
Be not afraid to press your lips!
I am fresh like the breath of a gillyflower,
Oh, let’s interlace the intimacy of bodies!..”
The continuation was like
The curly-haired brunet blushed.
Blushed, but quickly picked up
And thought: come hell or high water!
Here we need no minister’s Duma speeches,
Not words we need here but deeds...
With a violent force of a centaur
The rake drew the poetess,
But her shrilling and vulgar: “Mavra!!”
Damped down his raging torrent.
“Excuse me...” he jumped up. “You said...”
But there’s chill and honour in her eyes:
“Like a yardman you dared
To trouble a decent lady with your embrace?!”
Here’s decorous Mavra. And backwards
The frightened guest leaves...
In the anteroom, he was long looking
For his cane with a startled look...
With a face whiter than chalk
The ardent brunet walked down the stairs:
He got no idea of new poetry
By the poetess on the wrong side of thirty.

1909

12 **КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА**

Квартирант сидит на чемодане
И задумчиво рассматривает пол:
Те же стулья, и кровать, и стол,
И такая же обивка на диване,
И такой же «бигус» на обед, –
Но на всем какой-то новый свет.

Блещут икры полной прачки Фёклы.
Перегнулся сильный стан во двор.
Как нестройный, шаловливый хор,
Верещат намыленные стекла,
И заплаты голубых небес
Обещают тысячи чудес.

Квартирант сидит на чемодане.
Груды книжек покрывают пол.
Злые стекла свищут: эй, осел!
Квартирант копается в кармане,
Вынимает стертый четвертак,
Ключ, сургуч, копейку и пятак...

За окном стена в сырых узорах,
Сотни ржавых труб вонзились в высоту,
А в Крыму миндаль уже в цвету...
Вешний ветер закрутился в шторах
И не может выбраться никак.
Квартирант пропьет свой четвертак!

Так пропьет, что небу станет жарко.
Стекла вымыты. Опять тоска и тишь.
Фёкла, Фёкла, что же ты молчишь?
Будь хоть ты решительной и яркой:
Подойди, возьми его за чуб
И ожги огнем весенних губ...

Квартирант и Фёкла на диване.
О, какой торжественный момент!
«Ты – народ, а я – интеллигент, –
Говорит он ей среди лобзаний, –
Наконец-то, здесь, сейчас, вдвоем,
Я тебя, а ты меня – пойдем...»

1909 г.

KREUTZER SONATA

The lodger is sitting on a suitcase
And scrutinizing the floor broodingly:
The same kind of chairs, and the bed, and the table,
And the same kind coach upholstery,
And the same kind of bigus for lunch, –
But there's new light to it all.

Portly laundress Fyokla's calves are shining.
The strong stature is bent over towards the yard.
Like a dissonant, playful chorus,
The soaped glass is squealing,
And the patches of blue sky
Promise a thousand wonders.

The lodger is sitting on a suitcase.
Piles of books cover the floor.
The mean glass is whistling: hey, jackass!
The lodger is rummaging in his pocket,
Taking out a worn quarter,
A key, sealing wax, a kopeck and a nickel...

Behind the window pane a wall with wet patterns,
Hundreds of rusty chimneys pierce the height,
And in the Crimea almond trees are already in blossom...
Spring wind is tied up in the curtains
And cannot find a way out.
The lodger will squander his quarter on drink!

He will drink so that heaven feels hot.
The glass is now washed. Boredom and silence again.
Fyokla, Fyokla, why silent?
At least you could be determined and bright:
Come up, take him by the forelock
And burn him with fire of spring lips...

The lodger and Fyokla are on the coach.
Oh, what a grand moment!
“You are the people, and I am an intellectual, –
He tells her amongst kissing, –
At last, here, now, two of us,
I will understand you, and you'll understand me...”

1909

13 **ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ**

РОДИНА СЛЫШИТ

Родина слышит, Родина знает,
Где в облаках ее сын пролетает.
С дружеской лаской,
Нежной любовью
Алыми звездами башен московских,
Башен кремлевских
Смотрит она за тобою.

Родина слышит, Родина знает,
Как нелегко ее сын побеждает.
Но не сдается
Правый и смелый!
Всею судьбой своей ты утверждаешь,
Ты защищаешь
Мира великое дело.

Родина слышит, Родина знает,
Что ее сын на дороге встречает,
Как ты сквозь тучи
Путь пробиваешь.
Сколько бы черная буря ни злилась,
Что б ни случилось –
Будь непреклонным, товарищ!

1950 г.

EVGENY DOLMATOVSKY

THE MOTHERLAND HEARS

Motherland hears, Motherland knows,
Where in the clouds her son is flying.
With amicable caress,
Tender loving
Through the red stars of the Moscow towers,
Kremlin towers
She is watching you.

Motherland hears, Motherland knows,
How uneasy her son's victory is.
But he doesn't surrender
Righteous and brave!
With all your destiny you affirm,
You defend
The great cause of peace.

Motherland hears, Motherland knows,
What her sons meets on his path,
How through the clouds
You make your way.
No matter how the black storm might rage,
Whatever happens –
Be steadfast, comrade!

1950

**ELENA
ZELENSKAYA**
SHOSTAKOVICH
Vocal Cycles

14 ВЫРУЧИ МЕНЯ

Протекли за оградой колючей
Мои молодые года.
Заливаясь слезою горючей,
Наши девушки пели тогда:

«Недругов гоня, выручи меня,
Как в чудесной сказке,
Рыцарь молодой с красною звездой
На зеленой каске».

Мы в родные лачуги вернулись
В печальную нашу страну.
На камнях обездоленных улиц
Я пою, как певала в плену:

«Недругов гоня, выручи меня,
Как в чудесной сказке,
Рыцарь молодой с красною звездой
На зеленой каске».

15 ЛЮБИТ — НЕ ЛЮБИТ

Есть девушек много у нас в городке,
Но та, что встречает с цветами в руке,
В тебя влюблена,
Но знай, что она
Гадать на ромашке не будет.

Любит — не любит,
Любит — не любит,
Любит — не любит...

Героям всегда преподносят цветы,
Я верю, что станешь героем и ты.

RESCUE ME

My young years
Passed behind a thorny fence.
Drowning in bitter tears,
Our girls would sing then:

“Turning out the foes, rescue me,
Like in a fairy tale,
A young knight with a red star
On a green helmet.”

We returned to our native shacks
Back to our sad country.
On the cobblestones of the hapless streets
I sing like I did in captivity:

“Turning out the foes, rescue me,
Like in a fairy tale,
A young knight with a red star
On a green helmet.”

LOVES ME, LOVES ME NOT

There are many girls in this town,
But the one that meets you with flowers in her hand,
Is in love with you,
But you have to know she will not
Pick petals off a camomile.

Loves me, loves me not,
Loves me, loves me not,
Loves me, loves me not...

Heroes are always presented with flowers,
I believe that you will be a hero too.

Не стану гадать,
Но буду я ждать,
И сердце ничто не остудит.

Любит — не любит,
Любит — не любит,
Любит — не любит...

Есть девушек много, но только одна,
Быть может, на веки в тебя влюблена.
С любовью большой
С открытой душой
Для счастья встречаются люди.

Любит — не любит,
Любит — не любит,
Любит — не любит...

16 КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой хороший, спи, мой родной.
Ты появился зеленой весной.
Тот, кто родился после войны,
Видит лишь самые мирные сны.

Спи, мой хороший, нежно любя,
Я защищу от невзгоды тебя.
Мирные люди стражу несут,
Тронуть детей никому не дадут.

Спи, мой хороший, ночью и днем
С ближних строительства доносится гром.
Пусть эти громы будут слышны.
Детям и взрослым они не страшны.

I won't guess,
But I will wait,
And nothing will cool my heart.

Loves me, loves me not,
Loves me, loves me not,
Loves me, loves me not...

There many girls, but there's only one,
May be, she's in love with you for ever.
With big love
With an open soul
People meet for happiness.

Loves me, loves me not,
Loves me, loves me not,
Loves me, loves me not...

LULLABY

Sleep, my sweet one, sleep, my darling.
You appeared in a green spring.
The one who was born after the war
Sees the most peaceful of dreams.

Sleep, my sweet one, loving tenderly,
I will save you from misfortune.
Peaceful people are on patrol,
Will not let anyone harm the children.

Sleep, my sweet one, day and night
Thunder is heard from nearby construction sites.
Let these thunders be heard.
Children and adults have nothing to worry about.

Записи 2009 (1–12) и 2016 (13–16) гг. Recorded in 2009 (1–12) and 2016 (13–16).

Звукорежиссеры: Пётр Кондрашин (1–12), Александр Михлин (13–16) Sound engineers: Pyotr Kondrashin (1–12), Alexander Mikhlin (13–16)

Редактор – Дмитрий Масляков Editor – Dmitry Maslyakov

Дизайн – Анна Ким Design – Anna Kim

Фото обложки – Диана Гуледани Cover photo – Diana Guledani

Перевод – Николай Кузнецов Translation – Nikolai Kuznetsov

Цифровое издание – Дмитрий Масляков, Роман Томлянкин Digital release – Dmitry Maslyakov, Roman Tomlyankin

---

© РАО, 2017 © Д. ШОСТАКОВИЧ, НАСЛЕДНИКИ, 2017

© Е. ДОЛМАТОВСКИЙ, НАСЛЕДНИКИ, 2017 © ЕЛЕНА ЗЕЛЕНСКАЯ, 2017

АО «ФИРМА МЕЛОДИЯ». 123423, МОСКВА, КАРАМЫШЕВСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ, Д. 44, INFO@MELODY.SU

ВНИМАНИЕ! ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ. ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ (КОПИРОВАНИЕ), СДАЧА В ПРОКАТ, ПУБЛИЧНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ И ПЕРЕДАЧА В ЭФИР БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.

WARNING: ALL RIGHTS RESERVED. UNAUTHORIZED COPYING, REPRODUCTION, HIRING, LENDING, PUBLIC PERFORMANCE AND BROADCASTING PROHIBITED.
LICENCES FOR PUBLIC PERFORMANCE OR BROADCASTING MAY BE OBTAINED FROM JSC «FIRMA MELODIA», KARAMYSHEVSKAYA NABEREZHNYAYA 44, MOSCOW, RUSSIA, 123423, INFO@MELODY.SU.

IN THE UNITED STATES OF AMERICA UNAUTHORIZED REPRODUCTION OF THIS RECORDING IS PROHIBITED BY FEDERAL LAW AND SUBJECT TO CRIMINAL PROSECUTION.

MEL CD 10 02512

WWW.MELODY.SU